

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 93/94

Грошев Д. Л.¹

**ПРОБЛЕМА ОППОЗИЦИИ «МОРАЛИ» И «ЗАКОНА»
НА ПРИМЕРЕ «УСТАВА БЛАГОЧИНИЯ И ПОЛИЦЕЙСКОГО»**

Санкт-Петербургский государственный университет

Groshev D.

**THE PROBLEM OF THE OPPOSITION OF "MORALITY" AND "LAW"
ON THE EXAMPLE OF THE "CHARTER
OF DEANERY AND THE POLICEMAN"**

St. Petersburg State University

Аннотация: Предпринимается попытка установить интеллектуальные предпосылки использования термина «благочиние», а также выяснить причины возникновения противопоставления «морали» и «закона» в российском законодательстве 80-х гг. XVIII в. Фиксируется сложная и противоречивая позиция императрицы между контролем и свободой интеллектуальных действий общества. С одной стороны, она готова уступить и отказаться от преследования авторов «язвительных сочинений», с другой – их необходимо постоянно контролировать, чтобы они не развращали людей в стране, не прививали им идеи, которые могут нанести хоть маломальский ущерб государственности. Эти противоречия проявились в «Уставе благочиния и полицейском», продемонстрировав несовершенство законодательской мысли императрицы, при этом, показав желание монарха модернизировать устаревшие нормы полицейского права.

Ключевые слова: мораль, закон, благочиние, полиция, Екатерина II, Российская империя.

Annotation: The article attempts to establish the intellectual prerequisites for the use of the term "deanery", as well as to find out the reasons for the opposition of "morality" and "law" in Russian lawmaking in the 80s. 18th century. The complex and contradictory position of the Empress between control and freedom of intellectual actions of society is fixed. On the one hand, she is ready to give in and abandon the persecution of the authors of "sarcastic writings", on the other – they must be constantly monitored so that they do not corrupt people in the country, do not instill in them ideas that can cause at least minor damage to the statehood. These contradictions manifested themselves in the "Charter of the Deanery and the Police", demonstrating the imperfection of the empress' legislative thought, while showing the monarch's desire to modernize outdated norms of police law.

Keywords: morality, law, deanery, police, The Russian Empire, Catherine II.

---

¹ *Грошев Даниил Леонидович* – студент 4 курса Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Распространено мнение о том, что законотворчество в Российской Империи XVIII в. носило категорически хаотичный и бессистемный характер. Часто утверждается, что эта сумбурность имеет как теоретический (концептуальный), так и практический корень. Первый связан с некоторой боязнью того, что «законность ослабит самодержавие» [9, р.145]. Второй же связан с непониманием чиновниками и властями различия между понятиями «закон» и «распоряжение».

Саймон Франклин замечает, что о проблемах российского законодательства знали сами правители и старились решить эту проблему [10, р.469]. Первым это попытался сделать царь Алексей Михайлович, приняв Соборное уложение 1649 г. Другой попыткой стала работа Уложенной Комиссии при Екатерине II, не давшая ожидаемых плодов. При этом императрица всеми своими действиями производила планомерную модернизацию правового поля в государстве.

Одной из сфер, в которых происходили коренные изменения, сфера охраны порядка. Интересен «Устав благочиния и полицейский» 1782 г., в котором можно заметить первое в истории российского права разделение «правового» и «морального» внутри законодательства.

Система полиции в XVIII в. работала в рамках постепенной децентрализации, введенной Петром I. Это было связано с излишней бюрократизацией, так как дела из дальних регионов приходилось рассматривать начальству, которое находилось далеко от местностей, где происходили происшествия, что приводило к затяжной бумажной проволочке. Естественно, это затягивало следствие, а также судопроизводство. Потому еще при Петре III появляются впервые полицмейстеры в некоторых городах. Екатерина II решила продолжить курс на децентрализацию, однако она перекрыла указ Петра III собственным указом «О не определении в города Полицеймейстеров...» [7, т.16, № 11628]. Сделано это было с целью передать функции полиции губернаторам.

При помощи такого приема Екатерина II передавала полицейские функции губернаторам. В 1764 г. все учреждения в губерниях должны были подчиняться губернаторам. Такая система надолго закрепилась до того момента, пока Екатерина II не преступила к реформации учреждений для управления губерниями в 1775 г. В это время полицейские функции ложились на плечи городничего [6]. Окончательно процесс подобной децентрализации был завершен в 1782 г., когда был опубли-

кован «Устав Благочиния и Полицейский» [7, т. 21, № 15379].

При помощи Устава Екатерина II буквально произвела переход от т.н. «средневекового права» к современному ей европейскому праву [4, с. 23]. Это означало, что полицейские органы получили четко регламентированный перечень прав и обязанностей при исполнении своей работы – охраны закона и порядка. Помимо этого, им вменялось охранять нравственность, следить за соблюдением приличий, заботиться о моральном облике населения.

В Уставе можно проследить четкое разделение на «мораль» и «закон». Как не безосновательно пишет К.Д. Бугров, частым поводом для литературной полемики в обществе XVIII в. было поле моральных вопросов [1]. В своих «Записках» Г. Винский пишет о том, что образование не равно воспитанию, тем самым указывая на то, что в его время первостепенны нравственные категории, а не интеллектуальные. Он пишет: «пекитесь ваших чад прежде воспитывать, потом научать» [2, с.15]. Потому нет ничего удивительного в том, что и в Уставе отдельно ставится вопрос о морали. В этом смысле Устав является наследием идей Просвещения, которые Екатерина II пыталась теоретически приложить в своих записях и «Наказе».

Например, мы можем видеть, что Ж.Ж. Руссо писал, что «основное соглашение не только не разрушает естественного равенства, а, напротив, заменяет *моральным* и законным равенством то физическое неравенство между людьми, которое могла создать природа; люди, будучи неравны по силе и уму, становятся равными в силу соглашения». В своем утверждении Руссо ставит мораль на первое место, а уже после употребляет определение «законный». Для просветителя мораль стоит превыше закона, она первична, мораль делает человека тем, кто он есть. Такие мысли вполне разделяла и императрица Екатерина II.

В чем же проявлялся этот водораздел между «моралью» и «законом»? В применении старинного термина «благочиние», который известен в российском правовой традиции со времен Алексея Михайловича. Обратившись к контекстной этимологии термина, мы установим, что он напрямую связан с моралью.

Как мы уже указали, термин «благочиние» в рамках полицейских органов употреблялся уже в эпоху Алексея Михайловича, однако при Петре I стал использоваться также термин «полиция», что создало некоторую оппозицию между понятиями. Здесь стоит обратить внимание на то, что в годы правления Алексея

Михайловича термин «благочиние» применялся в значении «поддержание порядка», а при Петре – сыска и контроля. Поэтому и понадобился новый термин – «полиция». До петровских реформ люди, которые поддерживали «благочиние» должны были следить за тем, чтобы не возникало пожаров, а также в городе сохранялся порядок. Петр I же ввел такие методы работы полиции, как поиск и отлов воров, грабителей и иных нарушителей закона. Также Петр завел тайных подсыльщиков, целью которых было наблюдать и сообщать о людях, готовящих какие-либо правонарушения [3, с.239]. Таким образом, произошло четкое разделение между охраной «благочиния» и службой «полиции». Первая занималась поддержанием порядка, а вторая по сути своей являлась карательным и сыскным органом. Естественно, четкого разграничения у понятий не было, но имеет смысл предположить, что Екатерина II *ощущала эту разницу или хотела показать ее*, потому настаивала на возвращении в официальный канцелярский язык Российской империи понятия «благочиние».

Вероятно, что Екатерина II, будучи императрицей - иностранкой старалась подвязать язык Устава к исторически прижившимся понятиям. Императрица не впервые поль-

зовалась подобными методами, стараясь максимально откеститься от своего иностранного происхождения, пытаясь поставить себя в обществе и мире как исконно русскую, легитимную правительницу.

В подтверждение нашей мысли также можно сказать о порядке слов в названии «Устава благочиния и полицейского». Так, устав носит в себе два важных слова – «благочиние» и «полицейский». При этом, если мы предположим, что первому слову придается лидирующее положение, именно на него делают акцент автор текста и читатель, то мы можем сделать вывод о том, что основной функцией Устава являлось пояснить моральные функции управ, а уже затем полицейские, сыскные и карательные.

Для императрицы было важно показать, что в случае верного просвещения общества необходимость в полиции как таковой может отпасть, ведь просвещенный человек способен на совершение злодеяний и преступлений, он занят собственным совершенствованием и помощью своей стране и своему монарху. Поэтому необходимо научить полицейские органы наблюдению за «благочинием», а не карательным мерам.

Екатерина II еще по восшествии на престол, а затем и в «Наказе» обозначила необходимость введения

превентивных, профилактических или предупредительных мер, взамен исключительно полицейских. Преступления необходимо предотвращать, а не ожидать, пока они произойдут. Такой же позиции императрица придерживалась и при составлении Устава, выводя на передний план «благочиние», а не понятие «полицейский».

О том, что Екатерина II большее внимание уделяла именно «благочинию» говорит и сам текст Устава. В пункте А.5., например, поясняется, что города необходимо поделить на две или более части «дабы *благочиние* (здесь и далее курсив наш – Д. Г.) в городе порядочно могло быть отправляемо». В пункте Г. 28. сообщается, что управы благочиния создаются для того, чтобы «в каждом городе *благочиние* поручалось единому месту». Пункт Г. 30. напрямую говорит о самых важных обязанностях управ благочиния, которые «долженствуют <...> иметь бдение, дабы в городе сохранены были *благочиние, добронравие и порядок*», а также «чтоб предписанное законами полезное повсюду в городе исполняемо и сохраняемо было». «Благочиние» упоминается в пункте Е. 76., дублирующем пункт А. 5. Здесь речь идет более подробно о разделении города на части «дабы *благочиние* в

городе порядочно могло быть отправляемо» [7, т. 21, № 15379].

В Уставе имеется целый раздел, который отсылает к екатерининскому «Наказу» и описывает то, на каких принципах должна основываться работа управы. Он так и носит имя «Наказ Управе Благочиния». Данный наказ выстроен на сугубо моральных принципах, которые взяты из «Юности честное зерцало» и других морально-поведенческих наказов. Стоит заметить, что управа должна была выполнять функции презрения. «Устав благочиния и полицейский» не был сразу издан в полном объеме, о чем сообщается в указе. В тексте сказано, что проблема с полицейским контролем стоит настолько остро, что правительство вынуждено выпустить Устав незавершенным. Также в качестве причины или объяснения подобной спешки указывается несовершенство российского законодательства, испытывающего «недостаток установлений до сего затрудняемых» [7, т.21, № 15379]. В полном объеме документ так и не был издан.

По Уставу все полицейские органы преобразовывались в Управы Благочиния, определялся состав управы, а также иерархическая структура самой системы – кто и перед кем несет отчет. Как уже говорилось выше, власти проводили по-

литику децентрализации полицейских органов. В указе говорится, что Екатерина II дарует «Устав благочиния и полицейский» городам, т. е. буквально отрывает их от общего центра. В деле децентрализации помогает и мера, связанная с назначением приставов уголовных дел. Согласно п. В.21, п.23, если в столице приставы уголовных и гражданских дел назначаются Сенатом, то в провинциальных городах право назначения принадлежит Губернским Правлениям. Подобная мера позволяла передать часть властных полномочий на места, минуя бюрократические проволочки в столице.

Возвращаясь к вопросу о «благочинии», стоит сказать, что для верной оценки законотворческой деятельности Екатерины II необходимо четко понимать фактический и интеллектуальный контекст времени, в котором ей приходилось разрабатывать Устав. Сложной, неразработанной для той эпохи была проблема интеллектуальной сферы, которая не была защищена законом, так как в правовой терминологии на корню отсутствовали такие понятия как «интеллектуальная собственность», «свобода совести» и «свобода слова». В некотором смысле обилие заботы о моральном облике населения и сотрудников Управ Благочиния показывает стремление Екатерины II

установить хотя бы условные рамки интеллектуальной жизни общества.

Это становится понятно, если присмотреться еще к «Наказу», точнее к статье 484, в которой императрица призвала не наказывать авторов «язвительных сочинений» без расследования и говорила о том, что «беречься надобно изыскания о сем далече распространять», так как «умы почувствуют притеснение и угнетение», а это в свою очередь «породит невежество, опровергнет дарования разума человеческого» [5, с. 132]. В историографии данную статью иногда воспринимают как пример либерального подхода к цензуре [8, с. 148], однако в статье явно говорится о призыве не оглашать наказаний на всю страну, нежели о каком-то послаблении в цензурном плане. Книги, которые противоречили взглядам властей, все так же изымались, конфисковались, а иногда и уничтожались. Хотя в статье 482 Екатерина и говорит о том, что слова не являются преступлением, она не считает, что за слова не нужно нести наказания. Конечно, в сравнении с французской цензурой²

---

² В данном контексте стоит понимать под «французской цензурой» те методы, которые применялись во Франции при правлении Людовика XV, когда за написание текстов, имеющих порочащие чье-то имя applications, автору мог грозить полноценный тюремный срок.

подход, предложенный императрицей, кажется более просвещенным, однако не стоит забывать, что то, что написано в «Наказе» далеко не всегда исполнялось на практике. Екатерина не хотела отпускать вожжи, потому даже сам «Наказ» был напечатан малой партией и роздан депутатам с запретом на снятие копий.

Мы можем видеть сложную и противоречивую позицию императрицы, которая мечется между контролем и свободой интеллектуальных действий общества. С одной стороны, она готова уступить и от-

казаться от преследования авторов «язвительных сочинений», с другой – их необходимо постоянно контролировать, чтобы они не развращали людей в стране, не прививали им идеи, которые могут нанести хоть маломальский ущерб государственности.

Эти противоречия также серьезно проявились в «Уставе благочиния и полицейском», продемонстрировав несовершенство законотворческой мысли императрицы, при этом, показав желание монарха модернизировать устаревшие нормы полицейского права.

Литература:

1. Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. 2016. 476 с.
2. Винский Г. Записки. Первая полная публикация Л. Н. Большакова. Оренбург. 2001. 128 с.
3. Владимирский-Буданов. М. Ф. Обзор истории русского права. 1888. 797 с.
4. Гуненко Ю. Д., Феднева Н. Л. Организационно-правовые основы деятельности Управ благочиния в городах Российской империи // На страже правопорядка и законности. 2017. С. 22-31.
5. Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения. Под ред/ Н. Д. Чечулина. С-Петербург. 1907. 175 с.
6. Невский С. А. Правовое регулирование организации полиции в Российской Империи в XVIII в. // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. С. 128-135.
7. ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649-1825 гг. Под ред. М.М. Сперанского. СПб. 1830. т. XX, XXI, XXII.
8. Старкова Л.К. К вопросу о становлении цензурной политики при Екатерине II // Цензура в России: история и современность. 2013. С. 145-158.
9. Dixon S. The Modernisation of Russia 1676-1825. Cambridge, 1999. 267 p.
10. Franklin S. Printing and Social Control in Russia 2: Decrees. Russian History, 2011, Vol. 38, No. 4 (2011), 469 p.

References

1. Bugrov K.D., Kiselev M.A. Estestvennoe pravo i dobrodetel': Integraciya evropej-skogo vliyaniya v rossijskuyu politicheskuyu kul'turu HVIII veka. 2016. 476 s.
2. Vinskij G. Zapiski. Pervaya polnaya publikaciya L.N.Bol'shakova. Orenburg. 2001. 128 s.
3. Vladimirskij-Budanov. M. F. Obzor istorii russkogo prava. 1888. 797 s.
4. Gunenkova Yu. D., Fedneva N. L. Organizacionno-pravovye osnovy deyatelnosti Uprav blagochiniya v gorodah Rossijskoj imperii // Na strazhe pravoporyadka i zakonnosti. 2017. S. 22-31.
5. Nakaz Imperatricy Ekateriny II, dannyj komissii o sochinenii proekta novogo ulozheniya. Pod redakciej N.D. Chechulina. S-Peterburg. 1907. 175 s.
6. Nevskij S. A. Pravovoe regulirovanie organizacii policii v Rossijskoj Impe-rii v XVIII v. // Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii 2017. S. 128-135.
7. PSZRI. Sobranie Pervoe. 1649-1825 gg. Pod red. M.M. Speranskogo. SPb. 1830. t. XX, XXI, XXII.
8. Starkova L.K. K voprosu o stanovlenii cenzurnoj politiki pri Ekaterine II // Cenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'. 2013. S. 145-158.
9. Dixon S. The Modernisation of Russia 1676-1825. Cambridge, 1999. 267 p.
10. Franklin S. Printing and Social Control in Russia 2: Decrees. Russian History, 2011, Vol. 38, No. 4 (2011), 469 p.